

Николай Лесков

Чертогон

Николай Семёнович Лесков

Чертогон

*Текст предоставлен правообладателем
Чертогон: 1879*

Аннотация

«...Это обряд, который можно видеть только в одной Москве, и притом не иначе как при особом счастье и протекции.

Я видел чертогон с начала до конца благодаря одному счастливому стечению обстоятельств и хочу это записать для настоящих знатоков и любителей серьезного и величественного в национальном вкусе...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Чертогон

Глава первая

Это обряд, который можно видеть только в одной Москве, и притом не иначе как при особом счастье и протекции.

Я видел чертогон с начала до конца благодаря одному счастливому стечению обстоятельств и хочу это записать для настоящих знатоков и любителей серьезного и величественного в национальном вкусе.

Хотя я с одного бока дворянин, но с другого близок к «народу»: мать моя из купеческого звания. Она выходила замуж из очень богатого дома, но вышла уходом, по любви к моему родителю. Покойник был молодец по женской части и что намечал, того и достигал. Так ему удалось и с мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кроме, разумеется, гардеробу, постелей и Божьего милосердия, которые были получены вместе с прощением и родительским благословением, навеки нерушимым. Жили мои старики в Орле, жили нужно, но гордо, у богатых материнских родных ничего не просили, да и сношений с ними не имели. Однако, когда мне пришлось ехать в университет, матушка стала говорить:

– Пожалуйста, сходи к дяде Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных уважать должно, – а он мой брат, и к тому благочестив и большой вес в Москве имеет. Он при всех встречах всегда хлеб-соль подает... всегда впереди прочих стоит с блюдом или с образом... и у генерал-губернатора с митрополитом принят... Он тебя может хорошему наставить.

А я хотя в то время, изучив Филаретов катехизис, в Бога не верил, но матушку любил, и думаю себе раз: «Вот я уже около года в Москве и до сих пор материной воли не исполнил; пойду-ка я немедленно к дяде Илье Федосеевичу, повидаюсь – снесу ему материн поклон и взаправду погляжу, чему он меня научит».

По привычке детства я был к старшим почтителен – особенно к таким, которые известны и митрополиту, и губернаторам.

Восстав, почистился щеточкой и пошел к дяде Илье Федосеевичу.

Глава вторая

Было так часов около шести вечера. Погода стояла теплая, мягкая и сероватая – словом, очень хорошо. Дом дяди известен, – один из первых домов в Москве, – все его знают. Только я никогда в нем не был и дядю никогда не видал, даже издали.

Иду, однако, смело, рассуждая: примет – хорошо, а не примет – не надо.

Прихожу на двор; у подъезда стоят кони-львы, сами вороные, а гривы рассыпные, шерсть, как дорогой атлас, лоснится, а заложены в коляску.

Я взошел на крыльцо и говорю: так и так – я племянник, студент, прошу доложить Илье Федосеичу. А люди отвечают: – Они сами сейчас сходят – едут кататься.

Показывается очень простая фигура, русская, но довольно величественная, – в глазах с матушкой есть сходство, но выражение иное, что называется – солидный мужчина.

Отрекомендовался ему; он выслушал молча, тихо руку подал и говорит:

– Садись, проедемся.

Я было хотел отказаться, но как-то замялся и сел.

– В парк! – велел он.

Львы сразу приняли и понеслись, только задок коляски подпрыгивает, а как за город выехали, еще шибче помчали.

Сидим, ни слова не говорим, только вижу, как дядя себе цилиндр краем в самый лоб врезал, и на лице у него этакая что называется плюмса, как бывает от скуки.

Туда-сюда глядит и один раз на меня метнул глазом и ни с того ни с сего проговорил:

– Совсем жисти нет.

Я не знал, что отвечать, и промолчал.

Опять едем, едем; думаю: куда это он меня завозит? и начинает мне сдаваться, что я как будто попал в какую-то статью.

А дядя вдруг словно повершил что-то в уме и начинает отдавать кучеру одно за другим приказания:

– Направо, налево. У «Яра» – стой!

Вижу, из ресторана много прислуги высыпало к нам, и все перед дядею чуть не в три погибели гнутся, а он из коляски не шевелится и велел позвать хозяина. Побежали. Является француз – тоже с большим почтением, а дядя не шевелится: костью набалдашника палки о зубы постукивает и говорит:

– Сколько лишних людей есть?

– Человек до тридцати в гостиных, – отвечает француз, – да три кабинета заняты.

– Всех вон!

– Очень хорошо.

– Теперь семь часов, – говорит, посмотрев на часы, дядя, – я в восемь заеду. Будет готово?

– Нет, – отвечает, – в восемь трудно... у многих заказа-

но... а к девяти часам пожалуйста, во всем ресторане ни одного стороннего человека не будет.

– Хорошо.

– А что приготовить?

– Разумеется, эфиопов.

– А еще?

– Оркестр.

– Один?

– Нет, два лучше.

– За Рябыкой послать?

– Разумеется.

– Французских дам?

– Не надо их!

– Погреб?

– Вполне.

– По кухне?

– Карту!

Подали дневное меню.¹

Дядя посмотрел и, кажется, ничего не разобрал, а может быть, и не хотел разбирать: пощелкал по бумажке палкою и говорит:

– Вот это все на сто особ.

И с этим свернул карточку и положил в кафтан.

Француз и рад, и жметя:

– Я, – говорит, – не могу все подать на сто особ. Здесь есть

¹ Меню – Франц.

вещи очень дорогие, которых во всем ресторане всего только на пять-шесть порций.

– А я как же могу моих гостей рассортировывать? Кто что захочет, всякому чтоб было. Понимаешь?

– Понимаю.

– А то, брат, тогда и Рябыка не подействует. Пошел!

Оставили рестораника с его лакеями у подъезда и показали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.